

Вырезка из газеты
КАЛИНИНСКАЯ
ПРАВДА

г. Калинин

26 МАРТ 1982

Души прекрасные порывы

С ИМЕНЕМ нашего земляка Михаила Ивановича Царева, получившего всенародное признание, связаны становление и блестательные достижения советского театрального искусства. Неоценим его вклад в пропаганду русской классической и современной советской поэзии.

Интересуюсь, кем были его родители и помнит ли он годы, проведенные на тверской земле.

— Помню, конечно. Мой отец Иван Зотович Царев служил на железной дороге. Он был старшим фельдшером приемного покоя на станции Тверь. Семья жила в казенном доме недалеко от станции. Вот там я и родился. Там прошло и мое раннее детство. Прекрасно помню дом, в котором мы жили. Помню большой сад при нем. Сад для нас, детей железнодорожников, был местом веселых игр. Помню и то, как отец с матерью ездили в Москву на спектакли, а потом о просмотренных представлениях рассказывали домашним.

Артистическая карьера Михаила Ивановича складывалась счастливо. Природа щедро наделила его сценической одаренностью. Мечта стать актером пришла к нему еще в детстве, когда учился в гимназии города Ревеля, куда к тому времени переехала семья. Учение мальчику давалось легко. Он много читал. Особенно любил поэтические произведения, свободно запоминал их и хорошо декламировал. Однажды учитель русского языка вызвал его прочесть стихотворение Некрасова. «Едва я кончил читать, — вспоминает Михаил Иванович в своей книге «Неповторимые мгновения», — как Тюленев сказал с необычайным вдохновением: «Когда ты говоришь: «Гляжу, поднимаются медленно в гору...» — так ты действительно погляди... Погляди в окно: что там поднимается? И когда увидишь, говори дальше». Так восемилетним мальчиком я понял первый закон актерского мастерства: актер должен видеть то, о чем рассказывала.

Говоря о первых шагах приобщения к театру, собеседник тепло упоминает свою старшую сестру Евгению. Работая учительницей, она в сво-

бодное время с увлечением занималась в любительском драматическом кружке, часто брала на репетиции братишку. Ему нравилось это, а в дни спектаклей он охотно помогал сестре носить в кружок ее платья, реквизит, оставался за кулисами и с наслаждением смотрел разыгрываемые представления.

— Я до сих пор помню первый увиденный мною спектакль этого коллектива — «Дети Ванюшина», — делится воспоминаниями артист. — Сестра играла дочку Ванюшина Клавдию. Спектакль произвел на меня очень сильное впечатление. Впоследствии я и сам стал играть в этом кружке, уже не знаю почему называвшемся «Гусли». Правда, выступал в маленьких-маленьких ролях, но уже выходил на сцену загородившим, несмотря на то, что мне было тогда очень немногих лет. Нравилось участвовать и в концертах, где я с упением читал стихи Пушкина, Лермонтова, Некрасова, а также куски прозы, иногда и сцены из той или иной классической пьесы, играемой драматическим кружком. Уже тогда я понимал, что читать, к примеру, стихи наедине, даже вслух, и читать для товарищей, для зрителей — совсем разные вещи.

И еще одну истину твердо усвоил в те годы Михаил Иванович: ничто немыслимо без труда. И он не чурался работы. К этому его, как и других своих детей, с ранних лет привили родители.

— Жалованье у отца было небольшое, и я помогал семье, чем мог, — рассказывает Михаил Иванович. — Во время каникул вел счетоводные дела в конторе железной дороги, занимался репетиторством, а в шестнадцатом году все лето проработал на судостроительном заводе. Шла первая мировая война. Рабочих рук на предприятиях не хватало, и меня сразу поставили к токарному станку.

Окончание гимназии Царевым совпало с объявлением о наборе молодежи в школу русской драмы при Александринском театре в Петербурге. Подав заявление в эту школу, юноша долго и мучительно думал, с чем явиться на экзамен. В то время он увлекался острокомедийной драматургией. Это решило вы-

бор — гоголевский «Ревизор». Члены экзаменационной комиссии чрезвычайно удивились, услышав, что стройный голубоглазый пятнадцатилетний подросток хочет прочитать монолог Городничего. Однако Городничий понравился экзаменаторам.

— Моим любимым преподавателем в театральной школе был народный артист Советского Союза Юрий Михайлович Юрьев, — вспоминает Михаил Иванович. — Ему были присущи приподнятость чувств, прекрасная декламация, строгая и выразительная пластичность. Его сценические персонажи выделялись колоритностью, утверждали добро, мужество, красоту человеческого духа. Эти творческие принципы Юрий Михайлович проповедовал и в своей педагогической деятельности. Он учил студийцев свободному поведению на сцене, четкому и внятному произношению текста, добивался, чтобы голос каждого звучал легко, красиво, выразительно.

Это он, Юрьев, в 1920 году рекомендовал талантливого студийца Царева в труппу Большого драматического театра на Фонтанке, только что созданного Горьким, Блоком, Андреевой, Монаховым и самим Юрьевым. Творческий коллектив нового театра был охвачен пафосом революционного искусства, и это пришло по душе Цареву.

— Вот с того времени, то есть с двадцатого года, и началась моя профессиональная актерская жизнь.

За многие десятилетия актерской работы в творческой индивидуальности Михаила Ивановича сошлись различные линии русского сценического искусства. Это сделало его мастером высочайшего профессионального класса, актером-новатором, способным чутко слушать свое время и находить для его выражения совершенные художественные средства. Ясность гражданской позиции, активность в утверждении светлых идеалов, верность традициям русского реализма и смелое их развитие — вот черты актерского облика нашего земляка. Им создана обширная галерея ярких, психологически острых образов. В числе их Макбет («Макбет» Шекспира), Протасов («Живой труп» Толстого),

Ростанев («Село Степаниково и его обитатели» Достоевского), Арбенин («Маскарад» Лермонтова), Огнев («Фронт» Корнейчука), многие другие. Великолепны наделенные мягким юмором Хиггинс («Пигмалион» Шоу), Глумов («На всякого мудреца довольно простоты» Островского), Сезар де Базан («Рюи Блаз» Гюго). Особо следует сказать о Чацком Цареве. В этой роли артист выступал почти три с половины десятилетия. Редчайший случай в истории театра.

— Играт эту роль я начал в двадцатом году в Петербурге. Потом играл в бывшем театре Корша в Москве, играл в театрах Махачкалы, Казани, Симферополя, в театре Мейерхольда. Ею же дебютировал и в течение шестнадцати лет исполнял на сцене Малого театра, куда был приглашен в 1937 году, и где работаю по сей день.

Снимался Михаил Иванович и в кино. В начале тридцатых годов на экранах страны с большим успехом шел фильм «Гроза», снятый по одноименной пьесе Островского. В нем участвовали крупнейшие мастера театра и кинематографии — А. Тарасова, В. Массалитинова, Е. Корнагина-Александровская, М. Тарханов, М. Жаров. Роль Бориса исполнил Царев.

Судьба сводила Михаила Ивановича со многими видными представителями культуры: артистами, режиссерами, художниками, композиторами. Встречи, беседы, совместная работа с талантливыми людьми оставляли большой след в деятельности и в характере Царева. О творческой дружбе с ними он вспоминает с искренним благоговением:

— Я счастлив, что был знаком с семьей композитора Скрябина, три года жил в доме другого выдающегося музыканта — Александра Константиновича Глазунова.

Каждый из знаменитостей видел в Цареве крупное дарование. Знаменительно, что еще семнадцатилетнему ученику школы русской драмы прославленный Юрьев подарил свой портрет с надписью: «Талантливому и сердечно любому Михаилу Ивановичу Цареву. 1920 год».

Актерскую и режиссерскую работу Михаил Иванович сочетает с многогранной административной и общественной

Люди
искусства

деятельностью. Он директор Малого театра, председатель правления Всероссийского театрального общества, президент общества «Канада-СССР», педагог театрального училища имени Шепкина. Кроме того, тесно связан с Центральным домом актера, участвует в проведении симпозиумов театральных работников, выступает на радио и телевидении, встречается со зрителями.

— Не мешает ли сценическому творчеству столь солидная нагрузка? — повторяет мой вопрос артист и отвечает: — Не мешает. Больше того, скажу откровенно, общественная работа обогащает меня и как актера, и как человека. Я был делегатом последних шести съездов Коммунистической партии Советского Союза. Это же наивысшая школа жизни! Она расширяет мой политический кругозор, что в свою очередь помогает еще четче видеть главную задачу театра — показывать советского человека во всей его исторической и социальной сущности, создавать спектакли на острые политические темы, затрагивающие неотложные проблемы сохранения мира на земле, а с эстрады читать произведения высокого патриотического накала.

Интересуюсь, часто ли доводилось ему бывать в родных местах. Не часто, но доводилось, ответил он.

— Помню, как вскоре после революции приезжал в город своего детства с труппой Александринского театра, которая ставила в Твери спектакли. В шестьдесят четвертом году снова был на гастролях — проводил свои литературные вечера. Приезжал также со спектаклем Малого театра «На всякого мудреца довольно простоты», в котором играл для жителей родного города. Бывал в Калинине и по линии Всероссийского театрального общества, смотрел работы областного драматического театра, встречался с его актерами. На двадцать шестом съезде КПСС мое место в Кремлевском Дворце было рядом с калининской делегацией. Состоялось приятное знакомство.

Н. МАЗУРИН,
внештатный корреспондент «Калининской правды».